

На правах рукописи

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна

**Постмодернизм в татарской прозе: диалог с западными и
восточными художественными традициями**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2014

Работа выполнена на кафедрах татарской литературы и методики преподавания, русской литературы и методики преподавания
ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» Министерства образования и науки Российской Федерации

Научные руководители:

доктор филологических наук, профессор
Загидуллина Дания Фатиховна,
доктор филологических наук, доцент
Аминева Венера Рудалевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой удмуртской
литературы и литератур народов
России ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет» Татьяна
Ивановна Зайцева, 10.01.02 (г. Ижевск)

кандидат филологических наук, главный
хранитель фондов в МБУК г.о. Самара
«СЛМ им. М.Горького» Тарнаруцкая
Елизавета Вадимовна, 10.01.08 (г. Самара)

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт мировой литературы
им.А.М. Горького РАН» (г. Москва)

Защита состоится «27» ноября 2014 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ и ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» www.kpfu.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Ф. Юсупов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный художественный процесс, охватывающий литературу последних десятилетий, а в России – время после распада СССР, является чрезвычайно сложным объектом изучения. Для многочисленных народов Российской Федерации, в том числе и татар, этот период стал абсолютно неожиданным этапом культурного подъема, который был обусловлен демократическими реформами, отменой политической цензуры, «сломом» существующей и выработкой иной художественной парадигмы. В результате возникла новая идейно-эстетическая концепция, которая, с одной стороны, подводила итоги художественным и эстетическим экспериментам XX столетия, с другой – стремилась выразить всю сложность и противоречивость наступившей действительности. Процесс обновления видов и жанров литературы, рождение новых форм и стилей вызвали необходимость объективной оценки происходящего в сфере художественного творчества. Возникла потребность в отстранении от стереотипов и осознании смены литературного кода. Поиск адекватной методики и методологии анализа литературы рубежа XX-XXI веков, от создания которых отделяют лишь десятилетия, определение художественных открытий и потерь в татарской литературе стали задачей первостепенной важности, так как были связаны также и с перспективами развития национальных культур.

Сегодня разговоры о будущем литературы идут во всех уголках мира, в том числе и в среде отечественных интеллектуалов, которые заявляют о постепенном исчезновении литературы и монополии массового или интерактивного искусства. Вместе с тем, существует точка зрения, согласно которой литература имеет шанс быть конкурентоспособной в современных условиях. Известный русский писатель Виктор Ерофеев утверждает: «Единственным выходом для продолжения литературы становится создание такого текста, когда он включается в интерактивную связь с читательским сознанием. Читатель сам моделирует смысл текста, исходя из себя и в этом моделировании обнаруживаясь и обнажаясь. <...> По сути дела, происходит расщепление энергии текста, который лишается своей одномерности и выживает за счет оплодотворения в читательском сознании <...>»¹.

В отношении не только зарубежной и русской литератур 1990-х гг., но и национальных литератур бывшего СССР для обозначения новых и нетрадиционных явлений и процессов употребляется понятие «постмодернизм». Оно выступает в статусе характеристики определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки места и роли человека в окружающем мире, возникающих при смене культурных эпох. Выявление специфики проецирования данного феномена на национальные литературы и культуры дает возможность определить основы и особенности

¹ Ерофеев В. Разговор по душам о виртуальном будущем литературы // Страшный суд: Роман. Рассказы. Маленькие эссе. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 565-566.

возникающей художественной парадигмы, ее рамки и границы, новизну составляющих ее элементов: приемов, средств, форм.

Татарская литература, имеющая многовековую богатую историю, основанную на развитии и трансформации реалистических, романтических и модернистских традиций, вобрала в себя лучшие достижения западной и восточной культур. На рубеже XX-XXI веков, как справедливо отметила Ю.Г. Нигматуллина, она находится на переходном этапе развития, в котором заметны смешение разнородных языков, «архетипов бытия», т.е. возвышенных символов со стереотипами массового сознания, с элементами грубого эротизма и натурализма, эклектическая синхронность хронотопов в рамках одного произведения и т.д.²

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной исследованностью современной татарской литературы, которая существует в режиме «здесь» и «сейчас». Особенности современной татарской литературы мы рассматриваем в контексте постмодернизма, наличие которого остается вопросом дискуссионным. Суждения исследователя русского литературного постмодернизма И.С. Скоропановой о том, что постмодернизм дал литературе новое измерение, раздвинул ее горизонты и в то же время поставил писателей перед лицом суперсложных, может быть и неисполнимых, задач: обретения многомерного, нелинейного художественного мышления в масштабах целых культурно-исторических эпох, овладения всеми типами письма, совмещения в одном авторе художника и философа (историка, литературоведа, культуролога и т.д.), поисков средств для воссоздания множественности истины, моделирования вероятных миров, качественного обновления литературы, интеллектуальный уровень которой должен соответствовать неизмеримо усложнившимся представлениям о мире³, могут быть распространены и на татарскую литературу. На наш взгляд, в татарском научном сообществе назрел тот момент, когда о постмодернизме необходимо говорить предметно и масштабно, поскольку невозможно отрицать как само существование данного явления в татарской культурной среде и литературе, так и игнорировать его позитивные и негативные стороны. Несмотря на то, что постмодернизм оказывается в центре внимания отдельных ученых-литературоведов, серьезных трудов, системно рассматривающих его философско-эстетическую основу и художественную практику, до сих пор нет.

Роль национальных традиций в становлении и развитии новых художественных явлений раскрывается в межлитературных диалогах. Поэтому при определении национальной специфики постмодернизма мы обращаемся к сходным явлениям в русской и зарубежной литературах.

Степень изученности темы и проблемы. Необходимо признать, что о постмодернизме как о культурном и литературном явлении в мировой науке сказано много. Изучение данного феномена началось с середины XX века и

²Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизации в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. С. 174.

³Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2000. С. 529.

носило, прежде всего, теоретический характер. Впервые термин «постмодерн» появляется в трудах А. Тойнби, Ч. Дженкса, затем масштабный разговор на эту тему находит место в работах Р. Барта, Ж.-Ф. Лиотара, Ю. Кристевой, Ц.Тодорова, Ж. Деррида, Ги Дебора и Ж. Бодрийяра, У. Эко, а также у представителей школы шизоанализа – Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, ученых критической школы Т. Адорно, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера. Основные же принципы культуры постмодерна определил французский постструктуралист Ж.-Ф. Лиотар. В то же время до сегодняшнего дня нет единого мнения о том, как рассматривать постмодернизм – как логическое продолжение предыдущего этапа модерна (Ю. Хабермас, Ж.Ф. Лиотар, Ф. Джеймисон) или как явление, отрицающее и критически осмысливающее его (Ж. Бодрийяр, У. Эко, П. Козловски). Спорным остается вопрос о возможном кризисе или даже завершении постмодернизма.

Практически все теоретики постмодернизма отмечают серьезное значение, которое имел для становления их концепции труд Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979), в котором автор отмечает, что «если все упростить до предела, то под «постмодернизмом» понимается недоверие к метарассказам»⁴. Метарассказом он обозначает все те «объяснительные системы», которые, по его мнению, организуют буржуазное общество и служат для него средством самооправдания: религию, историю, науку, психологию, искусство (иначе говоря, любое «знание»). Таким образом, новые явления в литературе рассматривались как результат появления новых технологий в диалоге объекта и субъекта художественного творчества.

В 90-е годы XX века наблюдаются пересмотр основных характеристик постмодернизма и новая попытка рефлексии по поводу ситуации «пост». Н.А. Малишевская выделяет два основных направления в современном анализе постмодернизма. В первом случае постмодерн представляется как новая магическая эпоха. В этой связи репрезентативной является концепция Л.Г. Ионина, который характеризует постмодерн как отражение поворота в ментальном климате эпохи, где нет различия и иерархии между рациональным, и миф, как и магия, претендует на равноправное существование с наукой⁵. Другим направлением в анализе ситуации постмодерна представляется гипотеза о постмодерне как о виртуальной форме реальности, являющейся следствием информационных технологий, о философии computer science. Эту версию можно встретить, например, в статье В. Кутырева «От какого наследства мы не отказываемся»⁶. Если в первом случае речь идет об инструментальном отношении человека к миру, то во втором случае человек «умирает»⁷.

⁴Цит. по: Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 327.

⁵ Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха // Постмодерн – новая магическая эпоха: сб. ст. / под ред. Л.Г. Ионина. Харьков: Харьковский национальный ун-т им. В.И. Каразина, 2002, С. 221-237.

⁶Кутырев В.А. От какого наследства мы не отказываемся // Человек. № 1, 2. 2005.

⁷Малишевская Н. А. Игровые практики в дискурсе постмодерна: дисс. ... д-ра философ.наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 5-6.

Достойны отдельного упоминания исследования о постмодернистских концепциях культуры и постмодернистской философии искусства В.М. Диановой. Она развивает понимание постмодернистских идей, основываясь на художественной практике и постмодернистских стратегиях, которые сложились в сфере художественной практики.

Следует выделить ряд отечественных ученых, внесших вклад в изучение русского литературного постмодернизма. Это такие имена, как М. Липовецкий, М. Эпштейн, И. Ильин, Н. Маньковская, И.С. Скоропанова, В. Курицын, О. Богданова и др. Исследователи отмечают, что, возникнув не «после модернизма», но «после соцреализма», он стремится оторваться от тотально идеологизированной почвы идеологизированными же, но сугубо антитоталитарными методами. Противовес этой тенденции составляют антишестидесятнические настроения «неборьбы», «дзэн»-поворота в искусстве. Постоянные колебания между мифом и пародией, непреходящим смыслом и языковой игрой, архетипическими экзистенциальными сюжетами и сюрреалистически-абсурдистским автобиографизмом создают то особое напряжение между садомазохистским профанированием официальных клише и запредельным сомнамбулизмом умозрительно-декларативных конструкций, которое свидетельствует о стремлении одновременно отвлечь и развлечь аудиторию путем театрализации безобразного⁸.

В татарском литературоведении существует ряд исследований, посвященных данной теме как обзорного, так и монографического характера. Прежде всего, это учебники и учебные пособия, в которых дается характеристика основных тенденций историко-литературного процесса данного периода, анализ творчества современных писателей и их наиболее значительных произведений. В 6 томе «Истории татарской литературы»⁹ рассматривается татарская литература второй половины XX века вплоть до 1990-х годов. В книге дается анализ творчества таких татарских писателей, как А. Еники, С. Хаким, Н. Фаттах, А. Гилязов, Т. Миннуллин, Г. Ахунов, Р. Тухфатуллин, А. Баян, Г. Афзал, И. Юзеев, Р. Файзуллин, Х. Вахит и др. на фоне развития реалистической и романтической художественных стратегий. Увидевший свет позже второй том учебника для высших учебных заведений «История татарской литературы XX века»¹⁰ расширяет хронологические границы до начала XX века, выделяя основные тенденции и закономерности развития современной татарской литературы, в том числе и модернистские, авангардные, постмодернистские поиски татарских художников слова. В работе содержится монографический анализ творчества известных современных писателей, в произведениях которых наиболее ярко выделяются авангардные эксперименты (Т. Миннуллина, Ф. Садриева, З. Хакима, Р. Файзуллина, Ф. Байрамовой).

⁸Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. С. 294.

⁹Татар әдәбияты тарихы: 6 т. Т. 6: 60-90 еллар әдәбияты. Казан: «Раннур» нәшр., 2001. 544 б.

¹⁰Заһидуллина Д.Ф. Йосыпова Н.М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы: дәрәслек. Т. 2: XX йөзгә икенче яртысында татар әдәбияты. Казан: Казан университеты, 2011. 198 б.

Д. Загидуллина в работе «На новой волне (Традиции и нововведения в татарской прозе 1980-2000 г.)» отмечает, что к 80-ым годам прошлого века сформировались те тенденции (лирико-эмоциональная, критическая, публицистическая и психологическая), которые определили дальнейшую трансформацию татарской прозы. В данной книге анализируются многие произведения современной татарской прозы, к которым обращались и мы в своей диссертации. Так, исследуя творчество З. Хакима, ученый приходит к выводу, что его проза привнесла в татарскую литературу концепции, приемы европейского, русского модерна и постмодерна. Обращение к психоанализу, к философии модерна переплетается в его произведениях с приемами шизоанализа и пастиша¹¹. А.А. Шамсутова, развивая эту концепцию, считает, что в творчестве З. Хакима впервые среди татарских писателей отразилось постмодернистское восприятие мира¹².

В рамках постмодернистской поэтики Д. Загидуллиной проанализированы повесть М. Кабирова «Сары йортлар сере» («Загадка желтых домов», 2002), рассказ «Канатлы кеше» («Крылатый человек», 2004), роман Т. Миннуллина «Минһаж мажаралары» («Приключения Минхаджа», 2005) и т.д.

В татарском литературоведении делаются попытки определить место отдельных произведений в структуре единой поэтики постмодернизма: так, А. Шамсутова указывает, что повесть Г. Гильманова «Оча торган кешеләр» («Летающие люди, или сказание о безымянных судьбах», 2001) относится к «языческо-метафизическому» реализму¹³.

Исследователь современной татарской драматургии А.М. Саттарова считает, что художественные приемы, которые используют Ф. Байрамова в «Действии происходит в сумасшедшем доме» и З. Хаким в «Летающей тарелке» (данные произведения отнесены А. Шамсутовой к постмодернистским) позволяют говорить об элементах постмодернизма, но не о постмодернизме как о методе в целом. К атрибутам постмодернизма ученый относит следующие черты: герои-схемы, фрагментарность, неопределенность, острое ощущение кризиса, желание эпатировать публику, элементы театра абсурда, «словесную карнавализацию» (в творчестве Ф. Байрамовой), раздвоение личности, иллюзорность, относительность времени, метафизическое измерение с элементами фантастики (в творчестве З. Хакима)¹⁴. Г. Зайнуллина выявляет и анализирует элементы соц-арта и постсоц-арта в современном татарском драматическом театре, в том числе на примере творчества драматурга З. Хакима¹⁵.

¹¹Загидуллина Д.Ф. Яңа дулкында (1980-2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). Казан: Мәгариф, 2006. С. 190.

¹²Шамсутова А. Хәзерге татар әдәбиятында яңарыш: фәнни мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 25.

¹³Там же. С. 66.

¹⁴Саттарова А.М. Современная татарская драматургия 1985-2000 гг.: Концепция эпохи и героя. Казань: Gumanitarya, 2003. С. 31, 38. 122.

¹⁵Зайнуллина Г.И. Элементы соц-арта и постсоц-арта в татарском драматическом театре на рубеже XX-XXI веков: дисс. ... канд. искусствоведения. Москва, 2010. 185 с.

Таким образом, можно констатировать, что в татарском литературоведении существует определенный интерес к проблеме постмодернизма. Однако в данной сфере практически все научные гипотезы оказываются дискуссионными: начиная от признания наличия постмодернизма в татарской литературе вообще – до обозначения хронологических, синхронных, поэтических рамок новых явлений.

Объектом исследования являются следующие произведения современной татарской прозы: повести «Кишер басуы» («Морковное поле», 1995), «Агымсуда ни булмас» («Что не встретишь в текучей воде», 1995), «Курку» («Страх», 1995) и романы «Гөнаһ» («Грех», 1996), «Легионер» (2004-2009) З. Хакима; роман «Бердәнбер һәм кабатланмас» («Единственная и неповторимая», 2004-2005), повести «Сары йортлар сере» («Загадка желтых домов», 2002), «Акбабайның туган көне» («День рождения Акбабая», 2004), «Елмаю» («Улыбка», 2008), «Чиксез табут» («Бесконечный гроб», 2008), «Сагындым, кайт инде» («Соскучился, вернись уже...», 2008), «Ул» («Он», 2006), рассказ «Канатлы кеше» («Крылатый человек», 2004) М. Кабирова; повесть «Оча торган кешеләр» («Летающие люди или сказание о безымянных судьбах», 2001) Г. Гильманова; роман «Минһаж мажаралары» («Приключения Минхаджа», 2005) Т. Миннуллина; повести «Таш бәгырь» («Каменное сердце», 2004), «Татлы газап» («Сладкое мучение», 2004) А. Фаляха; рассказы «Китүчеләр» («Уходящие», 2011), «Сират күпере» («Мост Сират», 2011) Р. Габделхаковой.

Предметом исследования выступают структурно-содержательные особенности произведений «новой» татарской прозы, репрезентативные с точки зрения характеристики постмодернизма в национальном историко-литературном процессе. Предполагается обращение к произведениям русской и зарубежной постмодернистской прозы как к своеобразному диалогизирующему фону, позволяющему выявить идейно-философскую и художественно-эстетическую природу «татарского» постмодернизма.

Целью данного исследования является анализ современной татарской прозы в контексте постмодернистской поэтики, определение места и роли данного явления в национальном историко-литературном процессе.

Реализация поставленной цели определила основные **задачи** диссертационной работы:

- теоретически концептуализировать понятие «постмодернизм» применительно к национальному историко-литературному процессу;
- выявить структурно-содержательные особенности постмодернистских произведений, проявляющиеся на разных уровнях художественной системы: идейно-концептуальном, жанрово-композиционном, стилевом;
- обозначить формы выражения авторской позиции и способы художественного завершения в образцах современной татарской прозы;
- на материале обширного корпуса прозаических текстов охарактеризовать «татарские» варианты соц-арта, концептуализма, а также особенности реализации пастиша в современных прозаических произведениях;

- проследить функционирование психологизма и приема игры в прозаических произведениях современных татарских писателей в рамках проблемы гиперинтерпретации;
- определить место и роль постмодернистских экспериментов в современной татарской прозе.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что в татарском литературоведении впервые проводится комплексное исследование современной татарской прозы в контексте постмодернизма. Теоретически концептуализировано и верифицировано понятие «постмодернизм» применительно к национальному историко-литературному процессу. В работе выявлены предпосылки, которые обусловили появление постмодернистских текстов в татарской литературе, на материале анализа обширного корпуса прозаических текстов доказано существование постмодернизма в татарской культуре и охарактеризованы художественные особенности данного явления. Впервые предложена типология национального постмодернизма и сделана попытка определения места подобных экспериментов в современной татарской литературе.

Впервые в татарском литературоведении выявляются границы, содержание и объем понятия «постмодернизм» в процессе сопоставления с произведениями русских и зарубежных постмодернистов. Установлено, что новая художественная парадигма в татарской литературе проявляется во всех смысло- и формообразующих элементах прозаических произведений: в жанровых особенностях, в сюжетно-композиционной структуре текста, в принципах и приемах художественного обобщения, функциях приема игры, принципах и способах психологического изображения.

Анализ структурно-содержательных особенностей малоизученной части современной татарской прозы, связанной с постмодернизмом, позволил определить постмодернизм в татарской литературе как своеобразное национальное художественное явление, испытывающее влияние новых тенденций, историко-культурных факторов и ситуаций, сформировавшихся в зарубежной и русской литературах.

Методология и методика исследования. В соответствии с поставленными задачами методологической основой исследования стала герменевтика – теория интерпретации смысла и содержания художественного текста. Традиции национальной классической литературы, а также иная национальная литература выступают в качестве интерпретационного фона. Описание контекстов, базирующихся на диалоге философии, политических и идеологических концепций, культурологии способствовало комплексному анализу сложно структурированных постмодернистских текстов.

Основными стали сравнительно-типологический, системно-структурный, сравнительно-исторический и комплексный методы анализа. Они реализованы в комплексном подходе к анализу отдельного произведения. В определении структурно-содержательного своеобразия и поэтики постмодернистских текстов востребованным оказался нарратологический подход, ключевыми единицами

которого является эпизод, выделяемый по дискурсивному принципу, ситуация, содержательный пласт (дискурс). Мы опираемся также на методы выявления национальной специфики художественного текста, разработанные Ю.Г. Нигматуллиной, Д.М. Урновым и др.

Теоретической основой исследования послужили различного рода энциклопедии, словари по гуманитарным наукам¹⁶, труды зарубежных, русских и татарских ученых-литературоведов, философов, которые внесли серьезный вклад в изучение феномена постмодернизма и определение его места в мировой литературе. В теоретическом плане нами использованы концепции Ж.-Ф. Лиотара¹⁷, Ж. Бодрийяра¹⁸, Ж. Женнет¹⁹, Й. Хейзенги²⁰, З. Фрейда²¹, М. Липовецкого²², М. Эпштейна²³, И. Ильина²⁴, Н. Маньковской²⁵, И.С. Скоропановой²⁶, В. Курицына²⁷, и др. Мы также опираемся на исследования

¹⁶ Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.; Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.; Западное литературоведение XX века. Энциклопедия / гл. науч. ред. Е. А. Цурганова. М.: Intrada, 2004. 560 с.; Философия: Энциклопедический словарь / под редакцией А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 5.09.2013); Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под редакцией В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 12.02.2014); Культурология. XX века. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/412.htm> (дата обращения 28.05.2014); Encyclopedia of Contemporary Literary Theory: Approaches, Scholars, Terms / ed. by Irena R. Makaryk. Toronto, Buffalo: University of Toronto Press, 1993. 656 с. и др.

¹⁷ Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // На путях постмодернизма. М., 1995. С. 176; Лиотар Ж.-Ф. Постсовременное состояние // Культурология: учеб. пособие для студентов высш. учебн. заведений. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 528 и др.

¹⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.

¹⁹ Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree / transl. by Channa Newman & Claude Doubinsky; foreword by Gerald Prince. Linkoln: University of Nebraska Press, 1997. 490 p.

²⁰ Хейзинга Й. Homo Ludens. [Электронный ресурс] // URL: http://royallib.ru/read/heyzinga_yohan/Homo_Ludens.html#81920 (дата обращения: 3.05.2014)

²¹ Фрейд З. Психология бессознательного : сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990. 448 с.

²² Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 1997. 317 с.; Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986-1990-е годы): учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 160 с.

²³ Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. Литература и теория. М.: Изд-во Р.Элинина, 2000. 368 с.

²⁴ Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения). INTRADA. 2001. 384 с.; Ильин И. П. Жиль Делёз и проблематика бесструктурности «желания». [Электронный ресурс]. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/ilin/e/j10.html

²⁵ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.

²⁶ Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2000. 608 с.; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. Санкт-Петербург: Невский проспект, 2001. 416 с.

²⁷ Курицын В.Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 288 с.

О. Богдановой²⁸, Н. Малишевской²⁹, Н. Нагорной³⁰, Л. Бербенец³¹, А. Сулеймановой³², и др.

Основой для осмысления современного состояния татарской литературы, а также места постмодернизма в ней стали работы Ю. Нигматуллиной³³, Д. Загидуллиной³⁴, А. Шамсутовой³⁵, А. Саттаровой³⁶, Г. Зайнуллиной³⁷, Л. Давлетшиной³⁸, А. Закирзянова³⁹ и др.)

Ценными оказались труды, посвященные постмодернизму в других национальных литературах, например, В. Шибанова⁴⁰, исследовавшего удмуртский вариант постмодернизма.

Теоретическая значимость исследования. Работа конкретизирует знания о современном татарском литературном процессе, о смене ориентиров и художественных парадигм на рубеже XX-XXI вв. Кроме того, она уточняет и углубляет представление о роли и значении постмодернизма как эстетического явления для развития национальных литератур.

²⁸ Богданова О.В. Постмодернизм и современный литературный процесс: дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. 481 с.

²⁹ Малишевская Н. А. Игровые практики в дискурсе постмодерна: дисс. ... д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 268 с.

³⁰ Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2014. 414 с.

³¹ Бербенец Л.С. Пастиш и особенности художественной репрезентации в литературе постмодернизма: дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 2008. 225 с.

³² Сулейманова А.С. Постмодернизм в современном турецком романе (на примере творчества Орхана Памука): дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2007. 216 с.

³³ Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. 176 с.; Нигматуллина Ю. Между дисгармонией и гармонией: проблемы «срединной культуры». Сборник статей. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 112 с.; Нигматуллина Ю.Г. Татавангард и современный цивилизационный процесс. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 65 с.

³⁴ Загидуллина Д.Ф. Яңа дулкында (1980-2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). Казан: Мәгариф, 2006. 256 б.; Загидуллина Д.Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. Кн. Изд-во, 2013. 201 с.

³⁵ Шәмсутова А.А. Татар әдәбиятында «постмодернистик концепция» // Гыйльми язмалар. 2003. № 11. Б. 12-14; Шәмсутова А. Хәзерге татар әдәбиятында яңарыш: фәнни мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 205 б.

³⁶ Саттарова А.М. Современная татарская драматургия 1985-2000 гг.: Концепция эпохи и героя. Казань: Gumanitarya, 2003. 152 с.

³⁷ Зайнуллина Г.И. Элементы соц-арта и постсоц-арта в татарском драматическом театре на рубеже XX-XXI веков: дисс. ... канд. искусствоведения. Москва, 2010. 185 с.

³⁸ Давлетшина Л.Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – XXI вв. Казань: РИЦ «Школа», 2006. 140 с.

³⁹ Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). Казань: Ихлас, 2011. 320 с.

⁴⁰ Шибанов В.Г. Этнофутуризм как современная тенденция в развитии национальных культур Урало-Поволжского региона // Литература Урала: история и современность. Сборник статей. Выпуск 5. Национальные образы мира в региональной проекции. Екатеринбург: Изд-во уральского университета, 2010. С. 163-171.

Исследование художественно-эстетической природы постмодернизма в современной татарской литературе, выявление его системообразующих принципов и приемов поэтики, места в художественной культуре рубежа XX – XXI в., могут служить теоретической основой для уточнения и конкретизации понятий, связанных с текстом, практикой текстопостроения, произведением и дискурсом, а именно: «целостность», «завершенность», «структура» и др., а также категорий «тип культуры», «литературное направление», жанровые и стилевые тенденции, традиции и др. применительно к национальному историко-литературному процессу.

Представленный в диссертации анализ субъектной организации произведений современных татарских писателей позволяет внести новые аспекты в осмысление термина «автор», форм выражения авторского сознания в постмодернистских текстах, а также соотношения автора-творца и вторичных изображающих субъектов.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при определении содержания и объема понятий «постмодернизм», «соц-арт», «концептуализм» и др. как явлений национального историко-литературного процесса.

В диссертации выработан исследовательский инструментарий для анализа постмодернистских произведений, который может быть применен к решению аналогичных задач.

Научно-практическая значимость работы заключается также в возможности использования полученных результатов при создании обобщающих трудов по теории литературы и истории татарской литературы рубежа XX-XXI вв., изучении творчества отдельных писателей, при разработке учебных курсов, факультативов, спецсеминаров по теории литературы, истории национальной литературы, в практике школьного обучения.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной татарской прозе определенное место занимают тексты, структурированные как постмодернистские, что позволяет констатировать существование постмодернизма в татарской литературе рубежа XX-XXI веков.

2. «Татарский» постмодернизм относится к восточной модификации постмодернизма, характеризующейся политизированностью текстов. Вместе с тем, в произведениях татарских писателей всегда есть место национальной тематике, мифам, верованиям, религиозным обрядам, определяющим менталитет народа.

3. В современной татарской прозе складывается своя система средств выражения авторской позиции по отношению к действительности и изображенному миру литературного произведения. Она созвучна тем изменениям, которые происходят в области мировой художественной культуры современности.

4. Для произведений татарских прозаиков современности характерен явный, текстообразующий политический подтекст, направленный на деконструкцию советского мифа о счастливой жизни, обличение пороков гражданина

«процветающей страны». Все эти мотивы особенно ярко проявляются в концептуализме или соц-арте, который представлен произведениями З. Хакима.

5. В ряде текстов татарских авторов (М. Кабирова, Г. Гильманова, А. Фалях, Р. Габделхаковой) на первый план выходят размышления о метафизических категориях Добра и Зла, Счастья, духовности и иллюзий, которыми живут люди современности, «бессознательном» в психологии человека, «сверхчеловеке», «множественности истины» и др., применяется шизоанализ, «поток сознания» и т.д.

6. В художественных произведениях современных татарских писателей активно используется прием игры: писатели обращаются к фантастическому, сказочному сюжету, смешивают разные стили, используют прием интертекстуальности, декодирования мифов, переосмысливают исторические факты.

7. Постмодернистские эксперименты в современной татарской прозе последовательно расширяют изображенную картину мира, вовлекая все новые и новые культурные языки (начиная с классических традиций до течений модернизма), приемы и средства, разрушающие реальность и раскрывающие представление о мире, истине, красоте.

Апробация работы. По теме исследования опубликовано 12 работ. Основные итоги изложены в статьях (в том числе 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК) и докладах на международных, всероссийских научных конференциях (Теория и практика башкирской филологической науки и филологического образования. Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) (Уфа, 8-10 октября 2013 года); Сопоставительная филология и полилингвизм. IV Международная научная конференция (Казань, 28-29 ноября 2013 года); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2014» (Москва, МГУ, 7-11 апреля 2014 года); Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: Международная научно-практическая конференция (13-15 мая 2014 г.); VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы филологии народов Поволжья». Москва, МПГУ, 17-19 апреля 2014 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей перечень источников и список использованной научной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность, раскрываются степень изученности темы и проблемы, объект и предмет исследования, определяются цель и задачи, научная новизна, методология и методика исследования, теоретическая основа, теоретическая значимость,

практическое значение, научно-практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертационной работы **«Постмодернизм в татарской прозе рубежа XX-XXI вв.»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Постмодернизм как историко-культурный феномен и художественное явление: общее и особенное в национальных литературах»* рассматриваются теоретические аспекты трактовки феномена постмодернизм, определяются закономерности его функционирования в национальных литературах.

Как зарубежные, так и отечественные ученые признают, что феномен постмодернизма оказался одним из самых спорных, противоречивых, сложных культурных явлений XX века для оценки, анализа и определения его сути. Но, вместе с тем, его возникновение и развитие – вполне закономерное, понятное для образованного читателя явление.

Первую попытку определить с теоретической точки зрения «особые» явления в татарской культуре, возникшие в результате взаимодействия с русским и зарубежным постмодерном, сделала искусствовед С.М. Червонная, назвавшая их «татавангардом». По ее мнению, приверженцы данной парадигмы допускали значительную свободу и разнонаправленность поисков, но довольно жестко придерживались «национального принципа...», желая «показать особый татарский ракурс», «татарское лицо» свободного, раскованного, вовлеченного в постмодернистский дискурс искусства»⁴¹. На материале изобразительного искусства Ю.Г. Нигматуллина доказала, что «и модернизм, и авангард наличествуют в татарской литературе и искусстве второй половины XX – начала XXI века»⁴², подразумевая под термином «авангард» и постмодернистские искания татарских художников.

Одни ученые последовательно употребляют термин постмодернизм (М.Н. Липовецкий), другие дифференцирует понятия «постмодерность» и «постмодернизм»: «постмодернизм как первая стадия постмодерности» (М. Эпштейн), третьи полагают, что термин «постмодерн» указывает на состояние эпохи после Нового времени (модерна, современности), «постмодернизм» означает ситуацию в культуре и тенденции ее развития в послесовременную эпоху» (Л. Зыбайлов, В. Шапинский), некоторые исследователи (И. Ильин и др.) не только в теории, но и в критической практике используют термины «постмодернизм» и «постмодерн» как простые синонимы. Примечателен тот факт, что в татарской литературоведческой науке нередко фигурирует название «период после модерна» в значении постмодернизма, и постмодернизм трактуется как литературное направление, а постмодерн – как особая культурно-

⁴¹Червонная С.М. Современное исламское искусство народов России. М.: Прогресс, 2008. С. 465.

⁴²Нигматуллина Ю.Г. Татавангард и современный цивилизационный процесс. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 65 с.

историческая эпоха⁴³. На наш взгляд, такое видение проблемы раскрывает суть термина наиболее точно, поскольку было бы неправильно ставить абсолютное равенство между эпохой, со всеми вытекающими отсюда сложными связями и явлениями, и литературным направлением / культурной тенденцией. Вместе с тем, нельзя забывать и о том, что «период после модерна» в татарской литературе возрождает к жизни и активизирует и модернистские приемы и формы.

Отношения модернизма – постмодернизма также на сегодняшний день остаются предметом дискуссий и разногласий. Американский культуролог Фредерик Джеймисон в работе «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» (1991) к характеристикам, внутренне присущим постмодернизму, причисляет, во-первых, смену модернистской пародии пастишем, во-вторых, «смерть субъекта», конец индивидуализма, в-третьих, формирование особой эстетики потребительского общества. Джеймисон видит кардинальный разрыв между модерном и постмодерном в том, что постмодерн обещает триумфальное возвращение обновленного высокого модерна. Общеизвестна также позиция П. Кавека, который рассматривает постмодернизм как эстетику переходного периода, готовящую замену усталых художественных форм на новые.

В современной русской литературе всплеск постмодернизма, или накопившегося за несколько предшествующих десятилетий «андеграунда», произошел в середине 1980-х годов, в период «горбачевской перестройки». О.В. Богданова выделяет два периода в развитии русского постмодерна: конец 1950-х – середина 1980-х годов как период формирования и становления постмодернистских тенденций (совпадающий с периодом андеграунда) и середина 1980-х – 2000-е годы как период их утверждения и расцвета (совпадающий со временем их легализации)⁴⁴. Данная периодизация, однако, не применима по отношению к татарскому постмодернизму, поскольку как андеграунд, так собственно и сам постмодернизм проявились у нас лет на десять позже.

Постмодернизм, будучи изначально европейским проектом, безусловно, в татарской среде чувствует некую чужеродность, он тщательно стремится к своим истокам, канонам, ценностям, пытаясь уйти от национальных традиций (М.Н. Липовецкий говорил об этом по отношению к русской и латиноамериканской литературам, употребляя термин «детерриторизация»). Однако, в результате, получается уникальная модификация постмодернизма, не похожая ни на один из его вариантов в литературах европейской цивилизации.

Основываясь на классификации И.С. Скоропановой, татарскую постмодернистскую литературу мы относим к восточной модификации постмодернизма (куда, по мнению И.С. Скоропановой, относится и русская литература), который характеризуется политизированностью, включают в себя в

⁴³Заһидуллина Д.Ф. «Албастылар» яки татар прозасында яна сыйфатлар // Казан утлары. 2011. № 11. Б. 111-117.

⁴⁴Богданова О.В. Постмодернизм и современный литературный процесс. С. 23.

качестве одного из деконструируемых языков язык социалистического реализма/ лже-соцреализма, рассматриваемый как язык массового искусства⁴⁵.

По отношению ко всему массиву современной русской литературы постмодернизм – своеобразное западничество, свидетельство приверженности новой модели культуры и цивилизации. По отношению к татарскому постмодернизму данное утверждение не совсем приемлемо. Конечно, структура постмодернистского текста вбирает в себя «западничество», это то, что придумал и что вложил туда Запад, со всем своим историко-культурным и эстетическим багажом. В современной татарской прозе, например, постмодернистские произведения строятся на этой структуре. Однако, в татарской литературе «приверженность новой модели культуры и цивилизации» не может найти понимание у читателя, поскольку одна из основных ее целей в силу отсутствия у татар даже своего государства – сохранить самобытность, национальную идентичность. Эта цель имеет жизненно важную функцию в искусстве и литературе.

Своеобразие постмодернизма в татарской литературе выявляется в процессе сопоставления с произведениями некоторых русских и зарубежных авторов (А. Терца, В. Пелевина, И. Абузярова, Х. Мураками, О. Памука, Т. Бенаквисты, Ж. Сарамого, П. Остера). Произведения японского писателя Х. Мураками и турецкого писателя О. Памука, имеющие ярко выраженный политический подтекст, относятся в большей степени к восточной модификации постмодернизма, нежели к западной.

Современная русская и татарская постмодернистская литературы деконструируют советский миф о «счастливой жизни», в то время как «турецкий постмодернизм явился реакцией отторжения на тоталитарную и симулятивную политику вестернизации, заведшую, к тому же, Турцию в политико-идеологический тупик»⁴⁶, а «японцы воспринимают постмодернизм как исправление ошибок модернизма (модернизации), который в их сознании связывается с вестернизацией Японии после войны в ходе активной американской культурной экспансии»⁴⁷. Развитию же культуры татар был нанесен громадный урон в период советской власти (политика атеизма, истребление татарской интеллигенции, неоднократная смена алфавита, пренебрежительное отношение к татарскому языку и культуре и т.д.). Отсюда же логически следует мысль о том, что произведения японских, турецких и татарских писателей, в отличие от текстов русских и западных писателей, характеризует особое отношение к национальной тематике. При наличии многих показателей постмодернистского текста (в том

⁴⁵Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. С. 70-71.

⁴⁶Сулейманова А.С. Постмодернизм в современном турецком романе (на примере творчества Орхана Памука). С. 196.

⁴⁷Harootunian H.D. Japan's Long Postwar: The Trick of Memory and the Ruse of History // Japan After Japan: Social and Cultural Life from the Recessionary 1990s to the Present; eds. Tomiko Yoda and Harootunian – Durham: DukeUP, 2006. P. 98-122.

числе самых значимых, таких как смерть автора, интертекстуальность, деконструкция, фрагментарность повествования, стирание границ между реальностью и вымыслом, элитарной и массовой литературой и др.), в текстах японских, турецких, татарских писателей присутствует уважительное отношение ко всему национальному, религиозному, чувствуется «запах» восточного романтизма, на концептуальном уровне на первый план выходят такие понятия, как «грех», «судьба», «предопределенность», «родина», «душераздирающая ностальгия по своим корням, истинным ценностям», переживания героев татарских, японских или турецких писателей по своей природе будут отличаться от переживаний героев русских или западных писателей.

Мы пришли к выводу, что на современном этапе развития татарской литературы нельзя отрицать наличия в ней постмодернистских элементов. В современной татарской прозе постмодернизм является полноправной, самостоятельной художественной парадигмой, функционирующей наряду с возрожденными реалистическими, романтическими и модернистскими явлениями.

Во втором параграфе *«Татарская литература рубежа XX-XXI веков: смена художественных парадигм и основные тенденции развития новых явлений»* дается обзорный анализ современного состояния татарской литературы, особый акцент делается на координаты поисков современных татарских прозаиков.

Констатируется, что татарская литература рубежа XX-XXI вв. (1980-2000 гг.) ознаменовалась «сменой художественных парадигм, что проявляется в ряде тенденций, обнаруживаемых на разных уровнях литературного процесса»: качественно меняется психологизм, трансформируется критическое начало в литературе (предметом критического отношения становится тоталитарное прошлое, постсоветская действительность), наблюдается повышенный интерес к национальной тематике (истории, мифологии, религии), стремление авторов выявить константы национальной культуры, найти основы национальной идентичности. Д. Загидуллина указывает, что точкой отсчета в трансформации татарской прозы в 1980-е гг. стали повести Ф. Байрамовой «Луг» (1983), «Маска» (1983), «Кто?», (1984), «Водяная» (1984), представляющие собой примеры психологической прозы. В них с помощью различных художественных приемов («поток сознания», описание пограничных состояний героев – снов, галлюцинаций) раскрывается не детерминированная внешними обстоятельствами психология человека, что на фоне сложившейся в советской литературе традиции детерминизма предстает как художественное новаторство⁴⁸. Повесть «Чайки бескрылые» (1988) проанализирована А. Шамсутовой с точки зрения приемов постмодернистской поэтики⁴⁹.

Нами анализируются и другие попытки татарских ученых систематизировать многообразие современных художественных направлений и

⁴⁸ Загидуллина Д. История татарской литературы // Татарская литература: Учебник-хрестоматия для студентов средних специальных учебных заведений. Казань: Магариф, 2010. С. 30

⁴⁹ Шамсутова А. Фәүзия Бәйрәмова прозасы (фәлсәфи–эстетик карашлар, образлар системасы, психологизм һәм мотивлар). Казан, 2005. Б. 21-23.

течений национальной прозы, драматургии и поэзии. Отмечается, что в последние годы татарские литературоведы все чаще говорят о наличии постмодернистских тенденций в татарской литературе, в частности, в драматургии и в прозе. Вместе с тем, татарские литературоведы довольно настороженно относятся к постмодернизму и не принимают один из основополагающих его принципов – «изъятие» из произведения личности автора, обеспечивающего идейно-эстетическое единство произведения, а также указывают на приверженность автора к изображению целостных жизненных явлений, а не фрагментов описываемых событий⁵⁰.

Анализ произведений З. Хакима, М. Кабирова, Г. Гильманова, Т. Миннулина и др. свидетельствует о присутствии многоголосия, а также о гетерогенности текстов. В отличие от полифонизма в модернизме, в постмодернистских текстах как субъект речи, так и герои размышляют, предлагают свои концепции, читатель сам вправе выбирать предпочтительную для него точку зрения, автор, в свою очередь, не претендует на роль пророка или провозглашение истины в последней инстанции. Кроме того, в текстах можно выделить несколько самостоятельных равноправных культурно-исторических линий, в которых проявляются различные типы художественного сознания, и они тесно переплетаются друг с другом, становятся одним целым. Вместе с тем, бросается в глаза фрагментарность повествования, теряется целостность картины жизни, стирается грань между реальным и ирреальным. Таким образом, в произведениях татарских прозаиков прослеживаются основные структурообразующие составляющие постмодернизма: деконструкция предшествующей культуры (советского мифа), стирание границ между реальностью и ирреальностью, фрагментарность повествования, «смерть» автора или полифонизм без пророческой, авторитарной составляющей автора.

В третьем параграфе *«Проблема автора и способы художественного завершения в современной татарской прозе»* делается попытка обозначить особенность постмодернистской татарской прозы с точки зрения проблемы автора и способов художественного завершения.

В постмодернистской литературе так называемая «смерть автора» стала одной из основных характеристик такого рода произведений, нередко именно этот критерий приходит на помощь при попытке отграничить постмодернистский текст от модернистского. Вместо понятия «автор» постмодернистская философия выдвигает понятие скриптора, снимающего претензии субъекта на статус производителя или хотя бы детерминанты текста. Из данной установки вытекает идея о порождении смысла в акте чтения, понимаемого Ж. Дерридой как «активная интерпретация». Фигура читателя конституируется как фигура «не потребителя, а производителя текста» (Р. Барт).

При обращении к татарским текстам постмодернистской направленности, во-первых, можно выделить ряд произведений, в которых позиция автора не находит структурно-содержательного, идейного выражения, то есть реализуется

⁵⁰Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). С. 71.

концепция «смерти автора». В этом случае возрастает роль читателя, делающего выводы из представленных в тексте драматических коллизий, в которых отражается система существующих социально-бытовых, политических или межличностных отношений. В произведениях такого рода складываются повествовательные формы, в основе которых – субъектно-персонажное воспроизведение и интерпретация происходящего. «Смерть автора» заявляет о себе в повестях «Курку»/ «Страх» З. Хакима, «Елмаю» / «Улыбка» М. Кабирова, в романе «Минһаж мажаралары» / «Приключения Минхаджа» Т. Миннуллина. Повествование ведется от имени психически больного человека, женщины, переживающей угрызения совести из-за измены мужу, деревенского жителя – слушателя рассказов Минхаджа, или от имени самого старца-мудреца. Таким образом, читатель анализирует точку зрения героев и формулирует свою оценку происходящего, при этом автор остается в стороне, довольствуясь ролью скриптора. Вследствие отсутствия авторского нравоучения, каких-либо навязанных догм, читатель абсолютно самостоятельно и независимо приходит к выводам, которые обретают при таком раскладе событий особую весомость. Так, например, в повести «Курку» / «Страх» читатель становится слушателем истории, рассказанной сумасшедшим человеком. Однако подготовленный читатель не воспринимает текст как полнейший бред больного человека, он прочитывает философскую идею о разрушительной силе страха, которую порождает деспотизм и которая лежит в основе тоталитарного мироустройства. Многозначность текста обеспечивается теми возможными вариантами прочтения, на которые указывает лексическое и сюжетно-композиционное поле произведения. Например, в повести З. Хакима условно эти варианты «закрепляются» за «различного типа» читателями: «читателем-психоаналитиком»; «массовым читателем»; «читателем-политиком» и «читателем-философом». «Читатель-психоаналитик» обнаруживает в тексте детальное описание развития психической болезни (текст воспринимается как монолог пациента перед доктором, воссоздающий шаг за шагом весь процесс заболевания); «массовый читатель» воспринимает историю как разрешение конфликта в «любовном треугольнике», когда в борьбе за любовь побеждает сильнейший; «читатель-политик» находит в тексте обобщенную оценку тоталитаризма: текст показывает практически все принципы возникновения и сохранения таких политических систем. «Читателем-философом» данный текст воспринимается как воспроизведение концепции Ницше о сверхчеловеке. Таким образом, в татарской постмодернистской литературе «смерть автора» компенсируется «рождением» различных читательских дискурсивных стратегий. Это явление в литературоведении получило название «двойного кодирования» (термин Ч. Дженкса).

В некоторых постмодернистских текстах, в том числе и в татарской литературе, автор-творец фиксирует и определенным образом соотносит разнородные голоса, создавая основанный на механизмах цитации полилогический интертекст. Наряду с голосом повествователя выступают еще несколько других голосов, возникает полифонизм. Доминантная точка зрения формируется в процессе сопоставления и пересечения всех голосов. Скриптор или

повествователь (для текстов татарских авторов данного ряда предпочтительно использование термина «повествователь») соотносит, аккумулирует различные подходы, интерпретации событий, порой кардинально противоречащие друг другу и в то же время по-своему правильные и имеющие право на существование. Таким образом, с одной стороны, утверждается хаотичный характер бытия, и с другой – доминирование «одного голоса» препятствует полному «освобождению смысла» (Фуко, Барт), полной деконструкции.

Такие произведения татарских прозаиков мы условно назвали «полилогическими» или «полифоническими» текстами (они отличаются от полифонических модернистских текстов). Яркими примерами является роман «Легионер» З. Хакима и повесть «Сары йортлар сере» / «Тайна желтых домов» М. Кабирова. В повести М. Кабирова впервые в татарской литературе повествование от имени рассказчика сопровождается «чужим словом», которое принадлежит свидетелям событий и является голосом «мы»: этот голос выделен в тексте даже технически – «косым» шрифтом. В каждом элементе «чужого слова» с самого первого предложения присутствует констатация важной для понимания всего содержания произведения мысли: она структурируется вокруг двух эпитетов: «чудовищный» («коточкыч») и «восхитительный» («искиткеч»). Полная противоположность оценки одних и тех же событий рассказчиком (идеализирующая точка зрения) и свидетелями (осуждающая точка зрения) заставляет читателя искать истину в ином, «третьем», философском измерении. Именно здесь можно уловить «авторский» голос, который указывает на отсутствие абсолютной истины, на ее недоступность. Но он не проявляется в сюжетно-композиционных или идейно-эстетических элементах текста.

Роман З. Хакима «Легионер» воспроизводит историю жизни главного героя – Яббара, который всю свою жизнь расплачивался за дни, проведенные в плену. Эта трагическая история человека, ставшего без вины виноватым. Наряду с этой историей рассказывается история его односельчан и родственников, которые обвиняли и всячески унижали «легионера» (они носители советской идеологии, не смеющие даже думать «по-другому»). Третья история – история матери Яббара, которая искренне любила своего сына, верила ему, но не смогла противостоять общественному мнению. Из синтеза этих трех «голосов» возникает история тоталитарного государства, которая строилось на страхе оказаться изгоем. Идеология «выбирала» таких жертв и спланировала массы против них. Так авторский голос раскрывает основной закон тоталитаризма. Читатель, сопоставив голоса в тексте, может прийти к выводу о том, что легионерами в романе оказываются в какой-то мере все главные действующие лица произведения, свято когда-то во что-то веровавшие, боровшиеся, но на закате жизни осознавшие свое поражение. «Путь легиона» оказался дорогой в никуда, поэтому история тоталитарного государства остается «под водой»: как и вся деревня Кызыльяр, она предана забвению. Как и историю главного героя Яббара, страницы его биографии хранят в памяти близкие и родные, воспринимая путь каждого «легионера» как историю мужества и отваги отдельно взятого человека.

Наконец, в третьем типе постмодернистских произведений в современной татарской прозе автор все-таки обладает некоторым правом на обобщение, выдвижение определенной философской концепции, утверждающей хаотичность действительности, хотя проявляется она не так прямо и сильно, как в модернистских текстах. Именно такая тенденция присуща большинству татарских постмодернистских текстов. Это объясняется в первую очередь тем, что татарской литературе традиционно присуще сильное дидактическое начало.

В таких произведениях полифонизм проявляется не в соприкосновении историй, субъективных мнений, взглядов и позиций, а в полилоге культурных текстов: реалистическая история существует параллельно с историями фантастического, мифологического, детективного, романтического и др. планов. Различного рода цитации, отсылка к известным фольклорным или художественным произведениям, сюжетам, идеологическим концепциям образуют особую технику письма, структурообразующим элементом которого остается авторское мнение. К таким произведениям можно отнести повести «Кишер басуы» / «Морковное поле», «Агымсуда ни булмас» / «Что не встретишь в текучей воде», и роман «Гөнаһ» / «Грех» З. Хакима, роман «Бердәнбер һәм кабатланмас» / «Единственная и неповторимая», повести «Акбабайның туган көне» / «День рождения Акбабая», «Чиксез табут» / «Бесконечный гроб», «Сагындым, кайт инде» / «Соскучился, вернись уже...», «Ул» / «Он», рассказ «Канатлы кеше» / «Крылатый человек» М. Кабирова, а также произведения А. Фаляха и Р. Габделхаковой. В такого рода произведениях авторское начало формирует окончательный смысл.

Так, в романе «Агымсуда ни булмас» / «Что не встретишь в текучей воде» З. Хаким обличает пороки советского и постсоветского общества. Свое саркастическое отношение к такому обществу, ненависть к режиму, который породил его, автор показывает через описание безобразного внешнего вида героев, их характера, образа жизни, наивных, глупых диалогов, рассуждений (описание действительности), а также хронотопа психиатрической лечебницы (идеологический пласт текста), куда попадает главный герой. Рассуждения одного из персонажей произведения – Водяной – становятся тем началом, которое определяет способ художественного завершения в данном тексте: через этот образ происходит отсылка к мифу о Водяной и цитация тукаевской поэмы. В результате, все описываемые события, детали подчиняются единой идее и приводят читателя к выводу о том, что люди за 70 лет советского режима деградировали, превратились в ничтожество, они отучены думать, отвечать за свои поступки, судьбы, отличать черное от белого и неспособны навести какой-либо порядок в своей жизни.

Постмодернистский текст хаотичен, неструктурирован, в нем смешиваются сон и явь, реальность и ирреальность, репрезентируются процессы, протекающие в сфере бессознательного, используется шизоанализ. Таким образом, текст предстает в форме ризомы – «запутанной корневой системы». Такой тип повествования является аллюзией на современную цивилизацию, которая с каждым днем все больше погружается в хаос. Особенно отчетливо такая картина

вырисовывается в произведениях «Курку» / «Страх», «Гөнаһ» / «Грех» З. Хакима, «Чиксез табут» / «Бесконечный гроб», «Сагындым, кайт инде» / «Соскучился, вернись уже...» М. Кабирова. Путем выдвижения на первый план бессознательной сферы психики человека, обращения к потоку сознания, шизоанализу, построения алогичных событий, бесструктурного текста, писателям удается ответить на многие вопросы, волнующие человечество, выявить истинные причины тех или иных поступков людей.

Деканонизация и смешение классических жанров, пастиш являются еще одним способом художественного завершения, используемым в современной татарской прозе. Ярким примером данного явления становится роман «Минһаж мажаралары» / «Приключения Минхаджа» Т. Миннулина. В нем, во-первых, обличается та пропаганда, которая ведется государством и СМИ, во-вторых, происходит синтез, смешение различных жанров и стилей: публицистическое начало входит в симбиоз с художественным, реальность соединяется с вымыслом, стирается грань между юмором, иронией и сарказмом, в канву текста постоянно включаются элементы в стиле татарского фольклора, писателей-просветителей, классиков татарской литературы. Более того в конце романа предлагается поэма-аллюзия на произведение Г. Тукая «Сенной базар». Таким образом, форма пастиша в произведении Т. Миннулина определяет способы выражения авторской позиции.

Наконец, в современной татарской прозе активно используется прием игры, который прежде всего актуализируется в своей комбинаторно-конструктивной ипостаси. Данное явление заявляет о себе в произведениях «Ул» / «Он», «Канатлы кеше» / «Крылатый человек» М. Кабирова, «Таш бәгырь» / «Каменное сердце», «Татлы газап» / «Сладкое мучение» А. Фаляха, «Китүчеләр» / «Уходящие», «Сират күпере» / «Мост Сират» Р. Габделхаковой. В них автор «играет» текстами различного характера, что побуждает читателя сконструировать свой текст путем прочтения сказочного сюжета, скрытых метафор.

Вторая глава диссертационной работы **«Идеология в зеркале постмодернизма»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Приемы соц-арта в татарской прозе»* теоретически анализируется само понятие соц-арта, приводятся точки зрения отечественных ученых по этой проблеме. Особое внимание уделяется исследованию Г. Зайнуллиной, в котором выявляются элементы соц-арта и постсоц-арта в татарском драматическом театре на рубеже XX-XXI веков.

Соц-арт – течение в отечественном искусстве 1960-70-х гг., своеобразная «игра с идеологией», пародирование пафосных идеологических элементов социалистического искусства, низведение их до комического уровня. В рамках данного течения нами анализируются произведения З. Хакима (повести «Кишер басуы» («Морковное поле», 1995), «Агымсуда ни булмас» («Что не встретишь в текучей воде», 1995)), М. Кабирова (повесть «Сары йортлар сере» («Загадка желтых домов», 2002)), в которых обнаруживается типологическое сходство с такими постмодернистскими романами, как «Омон Ра» (1992), «Чапаев и пустота»

(1996) В. Пелевина, «Дом тишины» (1994) О. Памука, «Охота на овец» (1982) Х. Мураками.

В проанализированных нами произведениях З. Хакима интертекстуальная игра с мифом, созданным Г. Тукаем или современными средствами массовой информации о летающих тарелках, направлена на демифологизацию, деконструкцию тоталитарного и посттоталитарного периодов истории России, на разрушение мифа о советской счастливой жизни. Герои становятся симулякрами, а описанная жизнь обретает черты гиперреальности.

В повести М. Кабирова «Сары йортлар сере» («Тайна желтых домов») апокалипсический мотив поднимается до уровня лейтмотива, данное произведение на гиперболизированном, доведенном до абсурда жизненном материале констатирует гибель человечности, красоты, добра.

Активность политического дискурса: отрицание политического прошлого страны, признаков тоталитаризма, засилия идеологических установок – характерна также для произведений современных русских и некоторых зарубежных прозаиков. Однако при общей идейной направленности произведений, принадлежащих разным национальным литературам, в современной татарской прозе всегда есть место исключительно национальным образам, мотивам, историческим и религиозным фактам, атрибутам прошлого, впрочем, то же самое можно сказать и о произведениях русских, турецких и японских писателей.

Во втором параграфе *«Концептуальные построения в современной татарской прозе: формы и особенности»* предлагается теоретический анализ феномена «концептуализм», выявляется специфика концептуальных построений в произведениях татарских писателей, обозначаются формы и особенности этого явления.

По нашему мнению, если соц-арт структурирует текст вокруг советской социально-политической идеи, жестко дискредитирует ее, то концептуализм деконструирует любую идеологию, которую насильно прививают людям. Помимо этого, он выдвигает более масштабную, глобальную философскую идею, касающуюся основ бытия. Концептуализм не ограничивается демифологизацией или описанием реалий обыденной жизни, не обращается к иронии, смеху, в основе произведения лежат глубинные общечеловеческие проблемы, модели мышления и мироустройства. Авторы предлагают свою новую концепцию мироздания, а аудитория воспринимает готовый продукт творчества, пытаясь разгадать, что хотел сказать автор.

В рамках концептуализма нами анализируются произведения З. Хакима (роман «Легионер» (2004-2009)), М. Кабирова (роман «Бердэнбер һәм кабатланмас» («Единственная и неповторимая», 2004-2005), повесть «Елмаю» («Улыбка», 2008)), Г. Гильманова (повесть «Оча торган кешеләр» («Летающие люди или сказание о безымянных судьбах», 2001)), а также И. Абузярова (роман «XVIII»), О. Памука (роман «Музей невинности»), Х. Мураками (роман «К югу от границы, на запад от солнца»), Т. Бенаквисты (роман «Кто-то другой»).

Установлена концептуальная общность сопоставляемых произведений, а также выявлены факторы, определяющие их национальное своеобразие.

В романе М. Кабирова «Бердэнбер һәм кабатланмас» («Единственная и неповторимая», 2004-2005) ценностно-смысловым ядром всей концепции произведения становится утверждение о том, что Бог – это Добро и Зло в одном лице. Человек сам своими поступками выбирает из этих двух противоположностей то, что он действительно заслуживает. В мире, погрязшем в грехе, человек может спасти себя только сам, беречь тот свет, который изначально есть в нем и противостоять тотальной темноте окружающей жестокой действительности, – в этом святая миссия каждого отдельно взятого человека. Эта идея заключена в историях матери, ее сыновей и «судьи». Повесть М. Кабирова «Улыбка» в форме автоматического письма рассказывает об осознании человеком своего заблуждения. Мир в представлениях неизбежно ведет к заблуждениям, человек, не имеющий возможности осознать их, глубоко несчастен, констатирует автор. Рассказчик повести – женщина – излагает свою историю любви и предательства. Как и в других произведениях М. Кабирова, авторская интенция философична: утверждается, что люди живут с искаженными представлениями, что нет истины абсолютной, а осознание лживости представлений приводит к сумасшествию.

В модернистском тексте Г. Гильманова аллюзии на две мифологические структуры – инициации и возвращения – строят идейную концепцию романа. Возвращение к духовности, к своей сущности и борьба за достойное место под солнцем через правильные и справедливые поступки есть путь к счастью – таково концептуальное утверждение текста. Роман обогащен постмодернистскими приемами. На этом примере можно увидеть отличительные особенности повествовательных структур, характерных для модернистского романа, начиная с авторитарности авторской концепции до вспомогательной роли различных дискурсов, даже мифологических.

В отличие от «европейских» текстов, эволюция личности у турецких, японских, а также татарских писателей проходит под воздействием внешних факторов. Потеря единственной большой любви героями «Музея невинности» О. Памука и «К югу от границы, на запад от солнца» Х. Мураками, вечный поиск «ее» как в окружающих, так и в себе приводит к взрыву в сознании взрослых мужчин. Возвращение, инициация, обретение себя, осознание всей значимости и спасительной силы большой любви, судьбоносной роли человеческого добра и зла совершаются через потерю любимых, единственных и неповторимых. Цену расплаты за измену и предательство в произведениях татарских, турецких, японских писателей назначают мать, любимая женщина, родная земля, родные корни, дух предков. Восточный менталитет предлагает такую форму концептуального решения.

В третьем параграфе «Разрушение метатекста: пастиш в современной татарской прозе» определяется суть пастиша, обозначается его место и роль в современной татарской прозе.

Пастиш рассматривается нами как понятие философии постмодернизма, содержание которого фиксирует: 1) способ соотношения между собою текстов (жанров, стилей и т.п.) в условиях тотального отсутствия семантических либо аксиологических приоритетов и 2) метод организации текста как программно-эклектичной конструкции семантически, жанрово-стилистически и аксиологически разнородных фрагментов, отношения между которыми (в силу отсутствия оценочных ориентиров) не могут быть заданы как определенные. В татарской литературоведческой науке принято рассматривать пастиш как особого вида пародию, которая актуализирует негативный пафос, обращенный против иллюзий, создаваемых средствами массовой информации и поп-культуры.

В рамках проблемы пастиша нами проанализированы произведения Т. Миннулина (роман «Минһаж мажаралары» («Приключения Минхаджа», 2005)), М. Кабирова («Акбабайның туган көне» («День рождения Акбабая», 2004)). Проведен сравнительный анализ этих текстов с произведениями А. Терца «Прогулки с Пушкиным» (1995) и О. Памука «Новая жизнь» (1994). М. Кабиров при помощи пастиша – использования узнаваемых лозунгов и фраз советской идеологии – воссоздает символический слой текста и, таким образом, дает оценку всей истории советской власти. Символы веры, нации, чести, правителя служат для обличения ужасающей сущности режима, читателю становится понятно: только благодаря сильному духу и вере советский человек смог вынести все утраты, а религия – то самое сильное звено, на которое нужно опираться для возрождения нации.

Если в современной русской и зарубежной литературе пастиш используется в текстах с различной проблематикой, то в татарской прозе данное явление применяется преимущественно с одной целью – деконструкции мифа о советской действительности и выявления пороков постсоветского общества. Татарские писатели обличают все: начиная с не прижившейся к нашей земле кукурузы – заканчивая самой идеей построения коммунизма. Но, вместе с тем, осмеянию подвергаются не только руководящие верхушки или политическое сознание, но и татарская нация, которая сама же неуважительно относится к своему языку, традициям и корням.

Третья глава диссертационной работы «Проблема гиперинтерпретации» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «*Психологизм в современной татарской прозе (к проблеме «бессознательного»)*» анализируются произведения З. Хакима, М. Кабирова. Шизоанализ в данных текстах во многом перекликается с особенностями психологизма в романах «Двойник» (2008) Ж. Сарамыго, «Хроники заводной птицы» (2002) Х. Мураками.

В романе «Гөнаһ» («Грех») З. Хакима автор заостряет внимание на теории бессознательного З. Фрейда, изображая эпизод, в котором врачи-психиатры объясняют поступки главного героя действием инстинктов, вырвавшихся из области бессознательного. Ссылаясь на теорию великого австрийского ученого, врач-психиатр делает заключение, что на «преступление» главного героя – Фаиза – толкает его скрытое чувство зависти к своему другу. По мнению врача, именно

это чувство, долгие годы подавленное и вытесненное в бессознательные сферы, в конечном итоге выражается в виде ужасающей агрессии, приводит к преступлению. Роману «Гөнаһ» предшествовала повесть «Курку» («Страх», 1992) того же автора. Если в романе на первый план выходит психологизм, то в повести он уступает место глубокому философскому началу. В обоих произведениях очень ярко заявила о себе интеллектуальная тенденция. Как известно, данное явление характеризуется тем, что оно определяет внутренние человеческие ресурсы, а именно: ум и волю как силы, способные спасти мир от общественных катастроф, нравственного застоя, превращения человечества в рабов материального спроса. На первом плане оказывается обзор процесса человеческого размышления, нахождения им путей выхода из той или иной ситуации. Такая литература отдает предпочтение аналитико-ассоциативному описанию, не ограничиваясь возможностями построения сюжета. Обнаруживаются обращение к структуре притчи, аллегорическо-дидактическим формам, превращение мифологического материала в организующую единицу, воссоединение рационального и иррационального начал.

В повестях М. Кабирова «Сагындым, кайт инде...» и «Чиксез табут» сон помогает выявить бессознательные процессы, скрытые переживания и размышления героев. С помощью приема сна автору удается проникновенно и впечатляюще донести свой замысел до читателя, в результате, он не ограничивается анализом заданных проблем в прагматичном сознании потребителя, но переворачивает все его представление о, казалось бы, избитых в литературе, философии и в целом жизни темах и проблемах.

Современные татарские писатели, как и их коллеги из других стран, хорошо владеют теоретической базой анализируемого нами явления, в текстах напрямую или косвенно упоминаются теоретические труды известных ученых, произведения нередко строятся на основе концепции «бессознательного» З. Фрейда и К. Юнга, «сверхчеловека», «множественности истины» Ф. Ницше и др. Именно через обращение к данным теориям авторы раскрывают предпосылки тех или иных поступков своих героев, дают оценку состоянию современного общества, его прошлого и будущего. По текстам З. Хакима и М. Кабирова становится предельно ясно, что пороки человечества, его ошибки – это результат вырвавшихся из сферы бессознательного зависти, тоски, недолюбленности, страха, чувства ничтожности, порожденных тоталитарным обществом и т.д. Воссоздавая единство реальности и ирреальности путем активного обращения к сновидениям, бредовым состояниям персонажей с психическими отклонениями, писатели поднимают проблемы поиска смысла жизни, одиночества человека, тотального духовного кризиса, убийственного культа материальных ценностей. А шизофреник оказывается именно тем типом личности, который способен освободиться от пороков современного общества и бросить ему вызов, указать на поведение, которое нельзя назвать ничем иным, как паранойей.

В третьем параграфе «*Прием игры в современной татарской прозе*» на материале произведений М. Кабирова, А. Фаляха, Р. Габделхаковой определяются идейно-художественные функции приема игры в татарских

постмодернистских текстах. Диалогизирующим фоном выступают романы «Мистер Вертиго» (2003) П. Остера и «Кафка на пляже» (2002) Х. Мураками.

На уровне художественного содержания и формы игра проявляется в фантастическом, сказочном сюжете, смешении разных стилей, интертекстуальности, декодировании мифов, обращении к различным историческим фактам, переосмыслении их. В современной татарской прозе всему этому есть место. Через обращение к приему игры татарские писатели (М. Кабиров, А. Фалях, Р. Габделхакова и др.) размышляют о проблемах, о которых задумываются талантливейшие умы мира: это – роль личности в современном мире, двойничество, духовный упадок общества, кризис института брака и семьи; а также деконструируют гиперреальность, созданную правителями. В татарских текстах сказочные сюжеты нередко основываются на национальном мировоззрении, татарских мифах или религиозных (мусульманских) сюжетах; переигрываются, деконструируются общепринятые (татарами, в частности, а также всеми людьми цивилизованного мира) нормы, каноны, ценности. Данный прием помогает автору оригинальным образом решить поставленную задачу. Игра постоянно держит в тоне, удовлетворяет аппетит искушенного читателя.

В заключении подводятся итоги исследования и определяются задачи на будущее. В процессе работы диссертант приходит к следующим выводам:

1. В основе такого культурологического явления, как постмодернизм, лежат идеи плюрализма, деконструкции, стирания границ между реальностью и ирреальностью, отрицания метанарративов и др. В литературе постмодернизма, помимо всех остальных художественных приемов и средств, на первый план выходит т.н. «смерть автора», произведения зачастую представляют из себя симбиоз разных жанров (художественного, литературоведческого, публицистического, документального и пр. начал) и т.д. Эти характерные свойства открывают возможность для проведения типологических параллелей между национальными литературами и выявления универсального и уникального в функционировании постмодернизма в историко-литературном процессе.

2. Татарские писатели современности охотно осваивают поэтику постмодернизма и предлагают читателю образцы постмодернистских произведений. Наши исследования показывают: в татарской прозе первые образцы постмодернистских произведений появились в конце 1990-х годов, в творчестве З. Хакима, Ф. Байрамовой, Г. Гильманова, М. Кабирова и др. Можно констатировать, что постмодернистская парадигма художественности проявляется в татарской литературе в двух формах: во-первых, на концептуально-содержательном уровне текстов, определяя формы выражения позиции автора, выступающего зачастую лишь как функция текста (произведения З. Хакима, М. Кабирова, Т. Миннулина, А. Фаляха, Р. Габделхаковой), во-вторых, в качестве приемов поэтики, интегрированных с элементами других художественных систем, прежде всего модернизма (Г. Гильманов «Сказание о безымянных судьбах»).

3. С точки зрения форм выражения авторской позиции и способов художественного завершения в современной татарской прозе можно выделить три

типа постмодернистских произведений: тексты, в которых актуализируется концепция «смерти автора», наблюдается полифонизм «историй», «голосов», а также тексты, в которых можно обозначить авторское ироничное обобщение по отношению к заданной картине мира (используется иронический модус художественности как тип художественной целостности). Помимо этого, способом художественного завершения в современной татарской прозе выступают метафора «ризомы» как нарративной стратегии, пастиш и игра.

4. Татарское литературоведение рубежа XX-XXI веков обращалось к проблеме определения универсального и уникального в постмодернистских экспериментах татарских писателей. В частности, учеными были выявлены такие черты, как полифонизм, «смерть автора», диалог нескольких литературно-исторических традиций внутри одного произведения, интертекстуальность, деконструкция, соединение признаков массовой и элитарной литератур, создание кодов, имеющих философский смысл (Д. Загидуллина), шизоанализ, пародия, «цитирование» классических произведений (А. Шамсутова), герои-схемы, фрагментарность, неопределенность, острое ощущение кризиса, элементы театра абсурда, «словесная карнавализация», раздвоение личности, иллюзорность, относительность времени, метафизическое измерение с элементами фантастики (А. Саттарова), профанирование официальных клише советского мифа и расхожих штампов мещанского глубокомыслия, тенденциозность, политическая озабоченность, апокалипсическое мироощущение (Г. Зайнуллина) и т.д. Наши исследования еще раз подтверждают наличие этих признаков в татарской литературе рубежа XX-XXI веков.

5. Масштабная деконструкция советского мифа в татарской литературе 1990-х гг. привела к появлению соц-арта, системообразующими признаками которого являются обличение пороков советского и постсоветского сообщества, демифологизация мечты о красивой и сытой жизни. Политический подтекст подобных произведений, наполненный сарказмом и иронией, воссоздание апокалипсического мироощущения придавали особое «интеллектуально-направленное» звучание подобным произведениям. При этом ощущение «массовости» достигалось активным употреблением лексических средств (например, вульгаризмов) и особых композиционно-речевых форм (диалогов). Кроме того, в текстах татарских писателей особое внимание уделялось мифологическим и архетипическим структурам, национальным образам, мотивам, историческим и религиозным фактам, атрибутам прошлого.

6. Для текстов татарских авторов концептуального толка характерны такие черты, как выдвижение на первый план некоей масштабной идеи, при этом содержание произведения, герои представлены достаточно схематично. Расширение смыслов происходит за счет использования глубоко национального художественного материала: воспроизведения национальных характеров, особенностей менталитета татар, нравственных предпочтений и т.д. Размышления о метафизических категориях Добра и Зла, Счастья, духовности и иллюзий, которыми живут люди современности, также оказывались ориентированными на

возрождение национальных традиций, канонов, мировоззрения и самосознания народа.

7. Пастиш в современной татарской прозе выступает как особый вид пародии, для которого отсутствует авторитетный текст, сама авторитетность является объектом непонимания, отторжения. В татарской прозе через пастиш деконструируется миф о советской жизни и выявляются пороки постсоветского общества, и высмеиваются недостатки самих татар.

8. Произведения современных прозаиков нередко строятся на основе концепции «бессознательного» З. Фрейда и К. Юнга, «сверхчеловека», «множественности истины» Ф. Ницше и др. Именно через обращение к данным концепциям авторы раскрывают мотивацию тех или иных поступков своих героев, дают оценку состоянию современного общества, его прошлого и будущего. Шизоанализ, к которому сегодня охотно прибегают писатели, выдвигает на первый план героя, который официально признан психически больным и отвергнут социумом. Но, в конечном итоге, именно он воспринимается читателем как единственно нормальный, достойный уважения персонаж, который глубоко и искренне равнодушен к происходящим вокруг «ненормальным» явлениям.

9. Прием игры является неотъемлемой составляющей современной татарской прозы и выполняет разные идейно-художественные функции: является основой поэтики, способом авторской оценки, эстетически имманентным фактором национальной идентичности текстов и др.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Юзмухаметова Л.Н. Приемы концептуализма в романе М. Кабирова «Бердэнбер һәм кабатланмас» («Единственная и неповторимая») / Л.Н. Юзмухаметова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – № 10(28). – С. 211-214.

2. Юзмухаметова Л.Н. Приемы соц-арта в повести М. Кабирова «Сары йортлар сере» («Загадка желтых домов») / Л.Н. Юзмухаметова // Филология и культура. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2013. – № 3 (33). – С. 229-231.

3. Юзмухаметова Л.Н. Концептуальные построения в татарской литературе (на примере повести М. Кабирова «Елмаю» («Улыбка»)) / Л.Н. Юзмухаметова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары: ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2014. – № 1 (81). – С. 79-84.

4. Юзмухаметова Л.Н. Сон и явь в прозе М. Кабирова / Л.Н. Юзмухаметова // Филология и культура. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2014. – № 2 (36). – С. 225-229.

В различных научных сборниках и журналах:

5. Юзмухаметова Л.Н. Приемы соц-арта в творчестве З. Хакима / Л.Н. Юзмухаметова // Научный Татарстан. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. – 2013.– № 3. – С. 143-149.

6. Юзмухаметова Л.Н. Концептуальное построение в романе М. Кабиров «Оча торган кешелэр, яки ияsez язмышлар хакында бэян» («Летающие люди или сказание о безымянных судьбах») / Л.Н. Юзмухаметова // Теория и практика башкирской филологической науки и филологического образования: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) (Уфа, 8-10 октября 2013 года). – Т. 2. – Уфа: Изд-во «Мир печати». – 2013. – С. 291-296.

7. Юзмухаметова Л.Н. Концептуальное построение в прозе З. Хакима / Л.Н. Юзмухаметова // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы IV Международной научной конференции (Казань, 28-29 ноября 2013 года). – Т. 1. – Казань: Изд-во Казанский университет. – 2013. – С. 204-211.

8. Юзмухаметова Л.Н. Пастиш в повести М. Кабиров «Акбабайның туган көне» («День рождения Акбабая») / Л.Н. Юзмухаметова // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (17-19 апреля 2014 г.). Вып. 8.– М.: ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет». – 2014. – С. 227-234.

9. Юзмухаметова Л.Н. Проблема постмодернизма в современном национальном историко-литературном процессе (на материале произведения Т.Миннулина «Приключения Минхаджа») / Л.Н. Юзмухаметова // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014». [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2014. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. - Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_26_2707.htm

10. Юзмухаметова Л.Н. Проблема «бессознательного» в романе З. Хакима «Гөнаһ» / «Грех» / Л.Н. Юзмухаметова, В.Р. Аминева // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: сб. материалов Международной научно-практической конференции (13-15 мая 2014 г.). – Казань: Отечество, 2014. – С. 64-68.

11. Юзмухаметова Л.Н. Прием игры в современной татарской прозе / Л.Н. Юзмухаметова // Научный Татарстан. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. – 2014.– № 3. – С. 140-147.

12. Йөзмөхәмметова Л.Н. Постмодернистик татар прозасында уен алымы (М. Кабиров, Р. Габделхакова ижатлары мисалында) / Л.Н. Йөзмөхәмметова // Фәнни Татарстан. – Казан: ТӘһСИ. – 2013. – № 2. – Б. 60-65 (на татарском языке).